

Анджела Джонсон положила пакет в свой шкаф, даже не заглянув внутрь. Она не была уверена, что хочет знать, что купила. Конечно, часть ее хотела примерить пару, но она боялась, какой может быть ее реакция.

Она готовила ужин на кухне, когда услышала, что ее сын вернулся из школы. Он даже не остановился поздороваться, а сразу поднялся в свою комнату. Она услышала, как хлопнула дверь, сотрясая весь дом. Она вздохнула. Похоже, все еще оставались проблемы, которые ей придется решать. Но на какое-то время она позволит ему немного побыть одному. Может быть, сегодня вечером...

Ужин проходил в приглушенной обстановке, так как каждый член семьи Джонсонов был погружен в свои собственные мысли. Макс думал о Китти и о своем свидании с ней в пятницу вечером. Он провел весь день в своей комнате, уставившись на домашнее задание, но по-настоящему беспокоясь о том, как ему удастся сохранить спокойствие, когда он будет гулять с одной из самых горячих девушек в школе. Он даже не был уверен, что у него есть темы, чтобы с ней поговорить. Было ли у них вообще что-то общее?

Анджела наблюдала за своим сыном, который явно был чем-то одержим. Она беспокоилась, что это имело отношение к их вчерашнему разговору. Он даже не смотрел на нее. Неужели ему все еще было стыдно за те фотографии, на которые он смотрел? Как она могла заставить его расслабиться по этому поводу?

Гас Джонсон посмотрел на жену и сына. Он понятия не имел, что происходит. Обычно ужин в его доме был разговорчивым делом. Но сегодня вечером Анджела выглядела обеспокоенной, а Макс выглядел расстроенным. Он решил поговорить с Анджелой позже, но у него была куча работы, о которой он должен был позаботиться до завтра.

После ужина все разошлись по своим комнатам. Гас быстро погрузился в свою работу, таблицы и данные занимали все его сознательные мысли. Макс, тем временем, без особого энтузиазма закончил свою домашнюю работу, а затем погрузился в компьютерную игру, пытаясь освободить свой разум. Анджела посмотрела какую-то глупую комедию, затем долго принимала горячую ванну, все еще задаваясь вопросом, как она собирается заставить Макса признать, что это нормально — смотреть на все, что он хочет.

Позже Гас закончил свою работу и поднялся наверх, чтобы найти Анджелу, лежащую на кровати в халате. Хотя у нее в руках был журнал, она явно не обращала на него никакого внимания, так как ее взгляд был устремлен вдаль.

- Что у тебя на уме, Эйндж?

- О, Гас. Я думаю, Макс все еще смущен тем, что я ворвалась к нему.

- Ты уверена? - Гас был удивлен. Он думал, что вопрос был решен прошлой ночью. - За ужином он определенно казался озабоченным.

- Я думаю, он все еще беспокоится, что я думаю, что он отвратителен или извращен, или что-то в этом роде.

- Ты хочешь, чтобы я поговорил с ним? - Он не был уверен, как будет говорить об этом со своим сыном. Это было немного дальше старых "птиц и пчел".

- Нет, нет. Я думаю, что с ним должна говорить я, - серьезно ответила Анджела. - Я просто не знаю, как убедить его, что я не возражаю против того, что он делает в уединении своей комнаты.

- Ну, может быть, ты должна показать ему, что ты не такая уж и невинная. В конце концов, мы вместе смотрели некоторые фотографии в прошлом, - Гас был поражен тем, что он сказал. Он что-то поощрял в этом? Но она казалась такой искренней в своем замешательстве, такой отчаянно желающей помочь их сыну. Конечно, из этого не могло выйти ничего слишком неприятного.

Анджела подумала о том, что сказал ее муж. Может быть, он был прав. Может быть, это была ее вина. В конце концов, она всегда была так осторожна в том, что надевала или о чем говорила, особенно в присутствии их сына. И видел ли он когда-нибудь, чтобы они были более чем вежливо нежны друг с другом? Может быть, ему пришла в голову мысль, что из-за того, что его родители были такими порядочными, ему не разрешалось выражать свои собственные потребности.

- Я думаю, возможно, ты прав, - задумчиво сказала она, затем приняла решение. Она встала и подошла к комоду, где порылась, а затем вытащила белое кружевной пеньюар. Гас наблюдал за ней с легким ужасом. Она действительно собиралась это надеть? Анджела вытащила сумку Victoria's Secret и нашла подходящие стринги к нижнему белью. Пожав плечами, она позволила халату упасть на землю. Под ним на ней была только пара белых хлопчатобумажных трусиков. Она сняла их с бедер и вышла из них.

И снова Гас был в восторге от красоты своей жены. Такие сладкие изгибы, такая гладкая кожа. Она скользнула в пеньюар, натянув его через голову. С экономией движений, рожденной практикой, она поместила каждую грудь в ее чашечку. Подол пеньюара достигал, возможно, дюйма или двух ниже нижних изгибов ее задницы. Теперь она подняла стринги, очевидно, убедившись, что они сзади, прежде чем изящно влезть в них.

Когда она натянула резинку вверх и на свою задницу, Анджела почувствовала, как она греховно скользнула между щеками. Она слегка потянула за резинку, чувствуя, как она прижимается к ее анусу, злобно потираясь о нежную кожу там. Запустив ноготь под переднюю часть, она расположила трусики как можно лучше над своим лобковым бугорком. С восторгом она отметила, как хорошо они обхватили ее киску, прозрачный материал держал ее, как маленькую ручку. К сожалению, материал был недостаточно большой, чтобы покрыть все ее лобковые волосы, но она решила, что при тусклом освещении и с кружевным пеньюаром, покрывающим ее, никто (Макс, прошептал ее внутренний голос) не сможет этого увидеть.

Когда она повернулась к нему лицом, Гас ахнул от удивления. Его жена превратилась в сирену. Бретельки пеньюара оставляли большую часть каждой груди открытой, и только небольшая кружевная чашечка прикрывала нижнюю треть. По крайней мере, соски не были на виду, понял он, хотя и задавался вопросом, насколько это было бы очевидно, если бы они были полностью возбуждены. И передняя часть поднялась посередине спереди, открывая взгляд на крошечные стринги, непристойно подчеркивающие ее киску. Что он сделал?

- Я думаю, это покажет ему, что я не встревожена, как ты думаешь? - С дерзкой улыбкой на губах Анджеला рассмеялась про себя, увидев, как таращится ее муж. - Не волнуйтесь, мистер. Я вернусь позже, и тогда ты сможешь меня наказать!

Макс сидел в постели, его мысли были о Китти Клифтон. Девушка была так красива, что он не мог поверить, что идет с ней на свидание. Эти длинные прямые каштановые волосы, глубокие глаза цвета морской волны, ее полные губы, обычно изогнутые в высокомерной улыбке, лицо в форме сердца. Не говоря уже, конечно, об убийственном теле, всегда выставляемом напоказ в самой сексуальной одежде, допустимой по школьным правилам.

Хуже всего было то, что он понятия не имел, почему она вдруг заинтересовалась им. Был ли это просто более изощренный способ дернуть его за цепь? Собирался ли он появиться в ее доме в пятницу и быть встреченным группой насмешливых девочек-подростков?

Или, что еще более страшно, была ли она серьезно?

Пока он был погружен в свои мысли, он услышал стук в свою дверь.

- Макс, можно мне войти?

Его сердце екнуло, когда он внезапно вспомнил события прошлой ночи. Он с трудом мог поверить, что прошло всего двадцать четыре часа с тех пор, как его мать стояла у него за спиной, пока он (как он думал) тайно дробил под столом. Чего она хотела сейчас?

- Э-эм, да, заходи.

Анджеला открыла дверь и снова увидела Макса в постели, почти в той же позе, в какой он был прошлой ночью. И снова ее сердце потянулось к нему. Он казался таким уязвимым, таким растерянным. Она должна была все исправить.

Если сердце Макса и пропустило удар раньше, то на самом деле остановилось на секунду при виде его матери в дверях. "Боже мой, - подумал он, - неужели на ней действительно то, что я думаю?"

И снова она была освещена сзади, так что он не мог хорошо разглядеть ее лицо, но очертания ее гибкого тела просвечивали прямо сквозь кружевную затяжку, которую она носила. Держась одной рукой за дверной косяк, она встала на цыпочки.

- Макс, нам нужно еще раз поговорить, - сказала она немного встревоженно.

- Э-эм, конечно, мам, - ответил Макс. Он подумал, что, может быть, у него глаза вылезут из орбит, когда она пересекла комнату и вышла на свет. Узкое неглиже почти ничего не скрывало. Ее груди (он не мог думать о них как о сиськах, в конце концов, это была его мать) вызывающе покачивались под белым кружевом кукольных чашечек. Ее длинные стройные ноги были полностью обнажены, и его взгляд неумолимо скользнул вверх по их длине, туда, где они исчезали под кружевным подолом. Пока она шла, передняя часть скользила назад и вперед, давая ему мельком увидеть место соединения ее бедер, где тени скрывали то, что было на ней надето.

- Послушай, милый, - начала она, стоя рядом с кроватью и глядя на него сверху вниз, - насчет прошлой ночи... - Ее сердце бешено колотилось, и она боролась с желанием прикрыть руками промежность, словно защищаясь. Она понятия не имела, как много он мог видеть, и это заставляло ее чувствовать себя неловко, но она взяла себя в руки, сцепив руки за спиной. Сегодняшний вечер должен был дать Максиму понять, что у каждого есть сексуальные мысли и желания.

- Э-эм, мам, я могу объяснить, - начал Макс. Он пытался смотреть куда угодно, только не ей между ног или на грудь. Это было нелегко, и она, конечно, не делала это легче, когда стояла там, подпрыгивая на цыпочках. Он почувствовал, что краснеет, и посмотрел вниз, туда, где его руки скручивали простыню.

- Нет, Макс, тебе не нужно ничего объяснять, - вмешалась его мать. Он украдкой взглянул на нее и увидел, что она нервно улыбается. Его глаза снова прошли по ее телу, осматривая упругие груди, стоящие без особой поддержки, вплоть до щели в ее пеньюаре. Когда она ходила, вспыхивал свет, и он вдруг увидел маленький треугольник, удерживающий ее киску. Он почувствовал тошноту, когда прилив крови хлынул ему в пах. Он знал, что мало что удержит его от эрекции. И все, что защищало его от смущения матери — это тонкая простыня и боксеры. Почему он не мог надеть что-нибудь потуже сегодня вечером?

- Что ты имеешь в виду? - Его взгляд был словно физическим, как ласка по ее телу. Она прикусила губу, почувствовав знакомое тепло в паху. Она не заметила движения под простыней, которое противоречило бы возбуждению ее сына, захваченного, как и она сама, своим собственным.